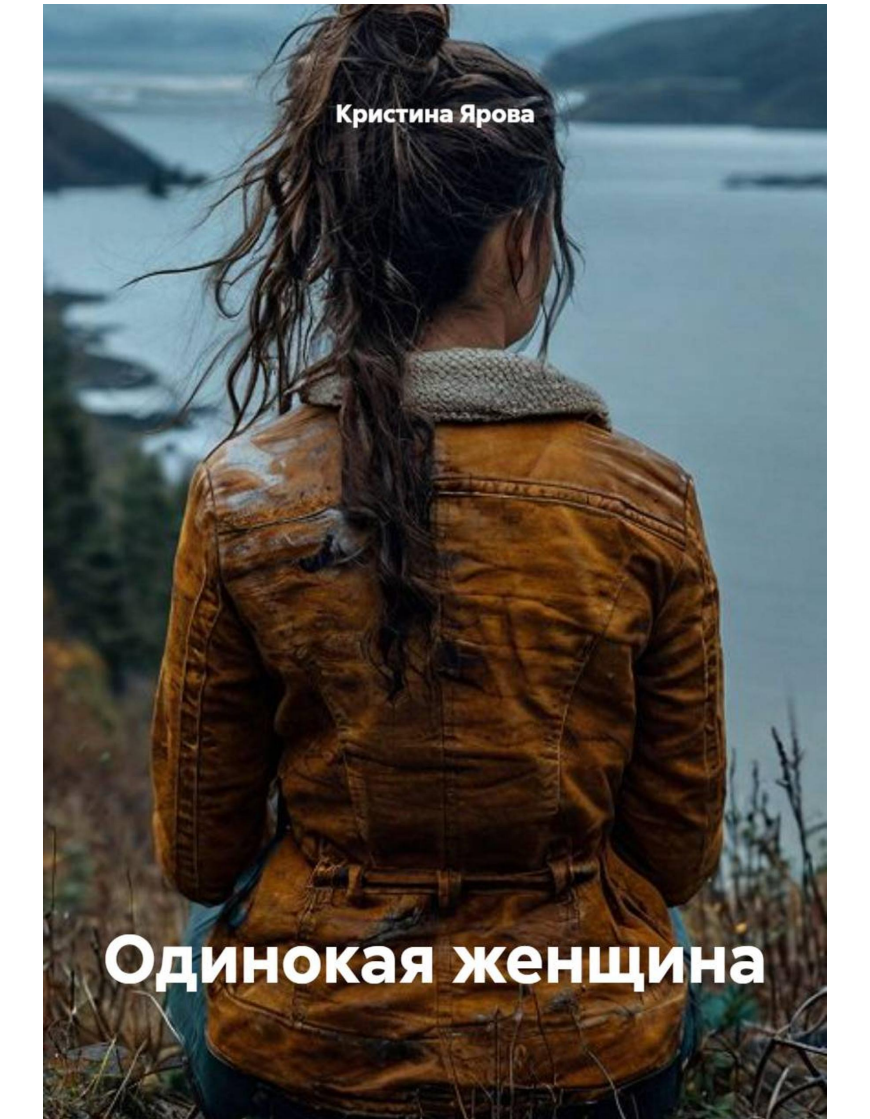

A woman with long, dark, wavy hair tied in a high ponytail is seen from behind. She is wearing a brown leather jacket with a shearling collar and a matching belt. She is standing on a grassy hill, looking out over a large body of water, possibly a lake or a wide river, with mountains in the background. The scene is captured in a cinematic style with soft lighting.

Кристина Ярова

Одинокая женщина

Кристина Ярова

Одинокая женщина

<https://litres.ru/74200107>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каково это — остаться один на один со всем миром в восемнадцать лет? Новая жизнь в незнакомом городе начинается с трудностей, но это лишь первый виток сложной судьбы. Героине предстоит пройти через ранний брак, обернувшийся крахом, пережить трагедию, которую не пожелаешь ни одной матери, и остаться без поддержки близких. Но «Одинокая женщина» — это не книга о боли. Это уютный, поддерживающий роман-путешествие о перерождении. Оставляя позади города, работу и прошлые обиды, героиня учится заново дышать, ценить тишину и слушать свое сердце. Впереди её ждет уединенный уголок, неожиданная встреча с человеком, предначертанной самой судьбой, и новые вызовы, которые ей наконец-то под силу преодолеть. Книга станет идеальным спутником для каждого, кто прямо сейчас ищет ответы на вопросы и нуждается в мягком напоминании: счастливый конец обязательно будет.

Содержание

Пролог	4
Чемодан и билет в один конец	6
Холодные стены общежития	15
Вспышка	23
Танец на тонком льду	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кристина Ярова

Одинокая женщина

Пролог

Говорят, у каждой души есть свой невидимый багаж. Свои кармические узелки, которые мы приносим в этот мир, даже не помня, где и когда их завязали. Мой багаж назывался коротко и хлёстко — Одиночество.

В восемнадцать лет, стоя на перроне с потертым чемоданом и билетом в чужой, пугающе огромный город, я наивно думала, что бегу навстречу свободе. Мне казалось, что жизнь — это чистый лист, и стоит мне только захотреть, как я раскрашу его в самые яркие, теплые тона. Я не знала, что этот чужой город станет лишь первой декорацией в длинном, полном крутых обрывов лабиринте, который мне предначертано пройти.

Мне пришлось потерять всё. Сначала — иллюзии о легкой жизни. Затем — иллюзии о счастливом браке. Самый страшный удар судьба нанесла туда, где сердце было всего беззащитнее: я держала на руках свое маленькое счастье, которое погасло слишком быстро, оставив после себя лишь оглушающую, ледяную тишину. А когда в ответ на мою боль от меня закрылись двери родительского дома, я поняла, что оста-

лась в этом мире абсолютно одна. Без кожи. Без опор. Без права на слабость.

Эта книга — не хроника моих страданий. Это история моего перерождения. О том, как я меняла города, работы и лица вокруг, пока однажды не решилась на самое главное путешествие — внутрь себя. Мне нужно было остаться в абсолютном уединении, среди тишины и уюта новой, выстроенной по кирпичикам жизни, чтобы понять: одиночество — это не проклятие. Это тихая гавань, где душа смывает старые шрамы, чтобы наконец-то стать готовой к встрече с Ним. С человеком, который был записан на страницах моей судьбы еще задолго до того, как я сделала свой первый вдох.

Если сейчас вы держите эту книгу в руках и вам кажется, что ваша жизнь разрушена, а ночь вокруг слишком темна — присядьте поудобнее. Налейте себе теплого чая. Я расскажу вам, как пройти через шторм и не разучиться верить в рассвет.

Чемодан и билет в один конец

Запах привокзального кофе, смешанный с сырым утренним туманом и мазутом, навсегда въелся в мою память как аромат абсолютной, пугающей свободы. В тот день мне казалось, что грохот колес уходящих поездов — это аплодисменты моей новой, еще не написанной жизни. На мне были любимые джинсы, в кармане лежал заветный студенческий билет, а в руках я сжимала ручку старого чемодана, в который умудрилась вместить все свои восемнадцать лет: пару свитеров, любимые книги и миллион наивных надежд. Я уезжала из родительского дома не просто учиться — я бежала от предсказуемости, уверенная, что чужой, огромный город уже ждет меня с распростертыми объятиями.

Когда состав тронулся, и знакомые перроны начали медленно уплывать назад, сердце заколотилось где-то в горле. В купе было шумно, попутчики спорили о чем-то своем, но я видела только свое отражение в мутном оконном стекле, за которым мелькали бесконечные перелески. Я оставляла позади детские обиды, строгий родительский контроль и уютную предсказуемость маленького городка. Впереди была неизвестность, но в восемнадцать лет у тебя еще нет страха перед будущим — есть только жадное, нетерпеливое любопытство и стойкое ощущение, что ты особенная, и с тобой точно не случится ничего плохого.

Поезд прибыл на конечную станцию в самый разгар полуденной суеты. Чужой город встретил меня оглушительным шумом, бесконечным потоком спешащих куда-то людей и полным равнодушием. Стоя посреди огромной площади и растерянно оглядываясь по сторонам, я впервые отчетливо поняла, насколько я маленькая по сравнению с этим бетонным миром. Но отступать было поздно. Я крепче перехватила чемодан, сделала глубокий вдох и сделала свой первый шаг по незнакомому асфальту — шаг, который официально открыл счет моим первым взрослым трудностям.

Чужой город встретил меня оглушительным шумом, бесконечным потоком спешащих куда-то людей и полным равнодушием. Стоя посреди огромной площади и растерянно оглядываясь по сторонам, я впервые отчетливо поняла, насколько я маленькая по сравнению с этим бетонным миром. Карта в телефоне упорно не хотела загружаться из-за перегруженной сети, а бумажные указатели на вокзале окончательно меня запутали. Мимо проносились люди с суровыми, деловыми лицами, и мне потребовалось немало смелости, чтобы сделать шаг навстречу этому человеческому потоку.

— Извините, пожалуйста, — робко окликнула я спешащего мимо мужчину в расстегнутом сером плаще. — Вы не подскажете, как мне добраться до университета? Мне нужен корпус факультета журналистики.

Мужчина резко остановился, из-за чего шедший за ним

парень едва не врезался ему в спину. Он окинул взглядом мой огромный старый чемодан, задержал взор на моих испуганных глазах и вдруг мягко, понимающе улыбнулся. Напряжение на его лице моментально растаяло.

— Первокурсница, значит? Будущая акула пера, — добродушно хмыкнул он, поправляя съехавшую лямку портфеля. — Не паникуй, журналистка. Тебе нужна Большая Московская улица. Выходи с площади, поворачивай направо и иди прямо мимо сквера. Там садись на седьмой троллейбус, проедешь четыре остановки. Увидишь старинное здание из красного кирпича с огромными белыми колоннами — тебе туда. Удачи на зачетах!

— Спасибо вам огромное! — искренне выдохнула я, и внутри наконец-то разлилось долгожданное тепло. Всего пара фраз от незнакомца, а мир вокруг уже не казался таким враждебным.

Я крепче перехватила ручку чемодана, который теперь казался чуточку легче, и зашагала в указанном направлении. Мой путь пролегал через старую часть города. Я шла, задрав голову, и с жадным любопытством разглядывала вывески кофейных лавок, старинные фасады с лепниной и переплетенные кроны вековых деревьев в сквере. Город словно присматривался ко мне, проверял на прочность стуком колес моего чемодана по неровной плитке тротуара. Пассажиры проезжающих мимо автобусов провожали меня взглядами, и в каждом из них я пыталась угадать: станет ли этот че-

ловек моим другом, встречу ли я его в коридорах университета или мы больше никогда не пересечемся?

Троллейбус с номером «7» лениво подкатил к остановке, обдав меня запахом нагретой резины. Кое-как затащив свой громоздкий багаж в салон под недовольное сопение кондуктора, я прильнула к окну. Мы ехали мимо залитых солнцем площадей, мимо шумных стаяк молодежи, и с каждым метром моё волнение росло. И вот, ровно через четыре остановки, за окном показались они — величественные белые колонны и вывеска, от вида которой по коже побежали мурашки: «Институт филологии и журналистики». Я вышла на асфальт, чувствуя, как внутри закручивается тугой узел из страха и дикого, пьянящего восторга. Моя новая жизнь официально началась прямо здесь, на этих ступенях

Я вышла на асфальт, чувствуя, как внутри закручивается тугой узел из страха и дикого, пьянящего восторга. Наверное, со стороны я выглядела забавно. Меня зовут Ирис — имя, которое папа выбрал в честь нежных весенних цветов, хотя во мне самой всегда было куда больше упрямства, чем девичьей хрупкости. В свои восемнадцать я была обладательницей густых, вечно растрепанных темно-каштановых волос, которые отказывались подчиняться любым заколкам, и больших, слишком серьезных для моего возраста серо-зеленых глаз. На моем лице еще читалась детская припухлость, но прямая осанка и привычка упрямо вскидывать подбородок выдавали характер, который жизни еще только предсто-

яло обтесать.

Разглядывая величественный фасад здания, я поправила на плече тяжелую сумку. Почему именно журналистика? Родители прочили мне стабильное экономическое будущее, но мысль о цифрах и отчетах нагоняла на меня смертную тоску. Я выбрала факультет журналистики, потому что отчаянно, до дрожи в пальцах, любила истории. Мне казалось, что слово — это самая мощная магия в мире, способная исцелять, менять людские судьбы и открывать любые закрытые двери. Я мечтала писать о настоящем, искать скрытую правду и верила, что моя профессия станет главным ключом к разгадке этой огромной, сложной и такой манящей жизни.

На ступенях университета уже вовсю бурлила жизнь. Десятки таких же первокурсников, как и я — яркие, шумные, пахнущие дорогим парфюмом или, наоборот, недорогими сигаретами — сбивались в первые стайки, громко смеялись и делились ожиданиями. Я сжала ручку своего старого чемодана чуть крепче, чувствуя себя чужой на этом празднике уверенности. Большинство из них явно были местными или приехали из больших городов, а я стояла здесь, провинциальная девочка по имени Ирис, и только училась делать свои первые самостоятельные шаги.

Я так и стояла на нижней ступеньке, не решаясь сделать шаг в эту шумящую толпу, пока мой чемодан предательски не вильнул колесом на неровном стыке плит. Ручка выскользнула из пальцев, и старый пластиковый бок с грохотом

завалился прямо на ноги проходящей мимо девушке.

— Ой, аккуратнее! Едва без ног не оставила, — раздался звонкий, слегка капризный, но совершенно не злой девичий голос.

Я испуганно вскинула глаза. Передо мной стояла настоящая витрина столичного глянца: точеная блондинка с безупречным каре, в белоснежных кедах и идеальном оверсайз-тренче. Её фарфоровое личико украшали огромные солнцезащитные очки, которые она тут же артистично сдвинула на кончик носа, обнажив лукавые голубые глаза.

— Извини, пожалуйста! — густо покраснев, я бросилась поднимать свой несчастный багаж. — Он ужасно неуклюжий. Точнее, это я неуклюжая.

Блондинка внимательно осмотрела меня, от её взгляда не укрылись ни мои растрепанные каштановые волосы, ни застиранные джинсы. Но вместо высокомерия её губы вдруг тронула широкая, обезоруживающая улыбка. Она протянула мне тонкую руку с идеальным французским маникюром:

— Да ладно, проехали. Я Кэтти. Поступила на журфак. А ты, судя по масштабу катастрофы в твоих руках, тоже из наших будущих акул пера?

— Да, тоже на журналистику Я Ирис, — я робко пожала её ладонь, поражаясь тому, насколько легко и уверенно она держится.

— Ирис? Как цветок? Вау, очень красиво, — Кэтти поправила стильный кожаный рюкзачок на плече. — Слушай,

Ирис, раз уж мы обе тут никого не знаем, давай держаться вместе. Ты, кстати, местная или в общагу? Мне в деканате сказали, что общежитие номер три — это филиал ада на земле, и мне срочно нужен союзник, чтобы выжить.

— Я как раз в третью общагу, — улыбнулась я, чувствуя, как лед внутри окончательно тает.

— Идеально! — Кэтти заговорщически подмигнула мне. — Нам по-любому нужно заселиться в одну комнату. Будем вместе отбиваться от тараканов и писать лучшие репортажи на курсе. Идем штурмовать коменданта?

Тогда, стоя на залитом солнцем крыльце университета, я еще не знала, что эта случайная встреча — главный подарок судьбы за сегодняшний день. Я не могла даже представить, что эта эффектная блондинка, так бесцеремонно ворвавшаяся в мою жизнь, станет моей лучшей подругой на долгие годы. Что именно Кэтти будет держать меня за руку в самые темные минуты моего будущего, будет плакать вместе со мной на разводе, разделять мою невыносимую боль потерь и искренне радоваться моему первому настоящему успеху. Впереди у нас была целая жизнь, но началась она с общего коридора старого студенческого общежития.

Штурм комендантской каптерки мы выдержали с честью. Кэтти со своим врожденным обаянием и обезоруживающей улыбкой умудрилась за пару минут очаровать суровую женщину на вахте, и в итоге нам выдали ключи от заветной угловой комнаты на четвертом этаже.

Когда старая деревянная дверь со скрипом отворилась, мы одновременно замерли на пороге. Наша комната оказалась совсем крошечной, но удивительно светлой благодаря огромному окну, выходившему прямо на верхушки старых кленов. Две скрипучие железные кровати, пара продавленных стульев, колченогий письменный стол у стены и массивный платяной шкаф, помнивший, кажется, еще студентов прошлого века — вот и весь наш скромный замок на ближайшие годы. В воздухе пахло пылью и старыми книгами. Мы переглянулись, и Кэтти, бросив свой стильный рюкзак прямо на голый матрас, победно вскинула руки вверх: «Ну что, Ирис, добро пожаловать в самостоятельную жизнь!»

Вечер опустился на город незаметно, раскрасив небо за окном в глубокие черничные тона. Кое-как отмыв комнату от пыли и разложив вещи, мы без сил повалились на свои кровати прямо поверх застеленных пледов. Эмоции этого бесконечного дня тяжелой, но приятной лавиной накрыли меня с головой. За эти двенадцать часов я успела прожить маленькую жизнь: оглушающий вокзал, страх потеряться в чужом мегаполисе, величественные колонны журфака и эта сумасшедшая, невероятная блондинка на соседней кровати, которая уже мирно посапывала, уткнувшись носом в подушку.

Я лежала в темноте, слушая непривычные звуки шумного общежития за дверью, шорох шин по асфальту далеко внизу и мерный стук дождевых капель, начавших лениво бара-

банить по стеклу. Внутри меня дрожало странное, звенящее чувство — смесь первобытного страха перед неизвестным будущим и огромной, пьянящей гордости за то, что я справилась. Я смогла. Я сделала этот шаг. Закрывая глаза, я улыбнулась мыслям о завтрашнем дне, еще не зная, какие крутые виражи уже приготовила для меня судьба на этих чужих, но ставших родными улицах.

Холодные стены общежития

Воскресное утро встретило нас прохладой и тишиной, которая бывает только в кампусах за день до начала официального безумия. Солнечный свет робко пробивался сквозь листву кленов, рисуя ажурные узоры на выцветших обоях нашей комнаты. Я проснулась от непривычного ощущения свободы и тут же повернула голову. Кэтти спала без задних ног, завернувшись в одеяло как в кокон, а из-под подушки торчал кончик её скетчбука. Несмотря на весь свой столичный лоск, по утрам она выглядела удивительно трогательно и незащитно. Впереди нас ждал важный день — предварительное организационное собрание курса, где нам предстояло не просто познакомиться с однокурсниками, но и официально выбрать свою узкую специализацию на этот год.

Поскольку наш университет работал по европейской системе образования, здесь никто не вел студентов за руку по одной общей программе. Каждый сам собирал свой учебный пазл. Огромный амфитеатр главного корпуса был забит до отказа. Однокурсники, с которыми мы вчера мельком пересеклись на крыльце, сегодня казались еще более яркими. Здесь были ребята из самых разных стран, со своим менталитетом, акцентом и стилем, и этот мультикультурный котел одновременно восхищал и пугал. Профессор на кафедре долго объяснял правила выбора узкопрофильных дисциплин.

плин и дополнительных модулей, подчеркивая, что именно эти шаги определяют наше профессиональное портфолио.

Наши с Кэтти пути в расписании разошлись почти сразу, подчеркивая, насколько разными мы были, несмотря на общую искру. Я без колебаний выбрала направление литературной критики и медиа-анализа. Моей страстью были тексты, поэтому в качестве дополнительных занятий я записала углубленный курс академического английского и практический воркшоп, где нас учили писать профессиональные рецензии на книги и кинопремьеры. Мне хотелось научиться видеть между строк, понимать замысел режиссеров и авторов и облачать свои мысли в безупречную словесную форму.

У Кэтти же был совсем другой радар. Она видела этот мир через визуальные образы и живые эмоции. На её бланке выбора первыми строчками загорелись графический дизайн, визуальная журналистика и фоторепортаж — она была прирожденным художником, чьи пальцы вечно были испачканы грифелем карандашей. Но что удивило меня еще больше, так это её выбор внеучебной деятельности. Эта хрупкая блондинка в брендовых вещах записалась волонтером в местный центр помощи бездомным животным.

— Понимаешь, Ирис, — шепнула она мне, когда мы сдавали бланки в деканат. — Слова — это твое оружие. А мое — это руки, которые могут нарисовать плакат или обнять испуганного пса в приюте. Будем дополнять друг друга.

Вечером, сидя на подоконнике нашей комнаты и разбирая

первые стопки англоязычных учебников, я смотрела на Кэтти, которая уже увлеченно рисовала угольным карандашом эскиз для какого-то благотворительного плаката. Мы были как два разных полюса одной планеты. Я, зарывшаяся в тексты, смыслы и книги, и она — импульсивная, творческая, готовая сорваться на другой конец города ради спасения брошенного котенка. Впереди была первая лекционная неделя, и мы, каждая со своим набором инструментов, были полностью готовы к этому бою.

За окном окончательно стемнело, и старый клен тихо шуршал листьями, задевая стекло. В комнате горела лишь одна тусклая настольная лампа. Кэтти сидела по-турецки прямо на полу, разложив вокруг себя огромные листы ватмана, и её пальцы уже были испачканы угольной пылью. Я сидела на кровати, обложившись тяжелыми англоязычными томами по медиа-анализу, но строчки ужеплыли перед глазами от усталости.

— Слушай, Ирис, — Кэтти вдруг отложила уголь и завертела головой, разминая затекшую шею. — Я вот смотрю на тебя весь вечер. Ты в эти учебники закопалась так, будто от этого зависит спасение человечества. Откуда в тебе эта гиперответственность? Родители дрессировали?

Я горько усмехнулась, закрывая толстую книгу с глухим хлопком.

— В точку. У меня дома всё всегда должно было быть идеально. Четверке в четверти радоваться не принято, нужно

только «отлично». Знаешь, папа до последнего момента думал, что я подам документы на экономический. Когда узнал про журфак, две недели со мной не разговаривал. Сказал, что я выбираю профессию для бездельников.

— Жестко, — Кэтти сочувственно покачала головой, подтягивая колени к груди. — Мои в этом плане другие. Им, честно говоря, вообще плевать, где я и чем занимаюсь. Главное, чтобы под ногами не путалась.

— Серьезно? — я удивленно посмотрела на её идеальный тренч, висящий на шкафу, и новенький макбук на столе. — Мне казалось, тебя дома пылинки сдувают.

— Ага, деньгами сдувают, — блондинка грустно усмехнулась и принялась размазывать ластиком тень на рисунке. — Отец вечно в командировках, у него строительный бизнес и третья жена, которая младше его на двадцать лет. Мама живет в Милане, у нее там какая-то галерея и бесконечные выставки. Они откупаются от меня карточками с пятизначными суммами, лишь бы я не просила их побыть просто родителями. Когда я сказала, что поеду жить в общагу, отец просто покрутил пальцем у виска и перевел еще денег. Им всё равно.

Я молча смотрела на неё, чувствуя, как внутри зарождается щемящее чувство понимания. Оказывается, за глянцевым фасадом скрывалось точно такое же одиночество, как и моё, только упакованное в дорогие бренды.

— А приют? — тихо спросила я, кивая на плакат с изоб-

ражением растрепанного пса. — Откуда это?

— О, это личное, — глаза Кэтти на секунду повлажнели, но она тут же упрямо тряхнула своими светлыми волосами. — Когда мне было двенадцать, я подобрала на улице новорожденного котенка. Притащила домой, спрятала в ванной. Мачеха увидела, устроила истерику, что он блохастый и испортит их дизайнерский ковролин. Отец приказал водителю вывезти его куда-то за город и выбросить. Я неделю выла, жрать отказывалась. Тогда я пообещала себе: как только вырасту и съеду — буду помогать всем, до кого смогу дотянуться. Животные, они ведь как мы с тобой, Ирис. Преданные, брошенные и совершенно беззащитные перед этим дурацким миром взрослых.

Я спустилась с кровати и села на пол прямо рядом с ней, невзирая на пыль и кусочки угля.

— Знаешь что, Кэтти? — я мягко коснулась её плеча. — Мы точно выживем в этом филиале ада. И плакат у тебя получается просто потрясающий.

— Куда мы денемся, — Кэтти шмыгнула носом и тут же лукаво улыбнулась, снова превращаясь в прежнюю беззаботную кокетку. — Ладно, хватит драмы на сегодня. Давай лучше колись: английский ты выбрала, чтобы читать Шекспира в оригинале или чтобы подцепить горячего иностранца на лекциях? Я видела сегодня парочку таких на регистрации, у меня чуть палитра не расплавилась!

Я покатила со смеху, чувствуя, как ночная прохлада

комнаты общежития окончательно растворяется в тепле нашего первого, настоящего разговора по душам.

— Горячего иностранца, говоришь? — я прислонилась спиной к деревянному бортику кровати, поджав под себя ноги. — Боюсь, с моим уровнем английского я смогу обсудить с ним только погоду и то, что «Лондон — из кэпитал оф Грейт Британ». Так что иностранец пока отменяется.

— Ой, брось! — Кэтти задорно махнула испачканной в угле рукой, оставив на лбу забавный черный след. — Язык любви интернационален, дорогая моя! Главное — уверенный взгляд и правильная помада. Кстати, ты видела того брюнета у стойки регистрации? Ну, который стоял в кожаной куртке и так высокомерно разглядывал всех вокруг, словно он уже как минимум главный редактор *The New York Times*?

— Это который с легкой небритостью и вечно недовольным лицом? — я улыбнулась, вспомнив парня, который действительно выделялся из толпы первокурсников какой-то взрослой, почти хищной уверенностью. — Заметила. Он прошел мимо меня и даже не повернулся, хотя я едва не уронила на него свой многострадальный чемодан.

— Вот-вот! Стопроцентный бабник и манипулятор, — Кэтти со знанием дела прищурила голубые глаза, словно выносила профессиональный вердикт. — Такие обожают строить из себя загадочных гениев. Готова поспорить на свой лучший набор пастели, что половина девчонок с нашего потока будут рыдать из-за него уже к первой сессии. Но хорош,

чертяка, тут не поспоришь. А тебе вообще какие парни нравятся? Ну, если отвлечься от книжных идеалов девятнадцатого века?

Я на секунду задумалась, глядя на танцующие тени от кленовых листьев на потолке.

— Не знаю даже Наверное, надежные. Чтобы с человеком можно было помолчать и не чувствовать себя глупо. Чтобы он не пытался меня переделать или загнать в рамки, как это всегда делал папа. Мне хочется встретить кого-то, кто увидит во мне ну, личность, что ли. А не просто удобную или красивую картинку.

Кэтти внимательно посмотрела на меня, и в её взгляде снова промелькнула та глубокая, взрослая мудрость, которую я никак не ожидала увидеть в этой хрупкой блондинке.

— Надежные — это дефицит, Ирис, — тихо сказала она, возвращаясь к своему рисунку. — В нашем возрасте парни чаще всего ищут трофеи или бесплатную жилетку, чтобы поплакаться. Но ты права. Не разменивайся на обертки. Твой человек от тебя не уйдет. А пока его нет — она вдруг хитро прищурилась и ткнула в мою сторону кончиком карандаша. — Пока его нет, мы будем крутить им хвосты на факультете так, чтобы у них чернила в ручках стыли! Обещаешь мне, что никакой парень не испортит нам эти лучшие годы?

— Обещаю, — засмеялась я, протягивая ей руку.

Мы скрестили мизинцы — по-детски, но с абсолютной, непоколебимой искренностью. Это воскресное утрен-

нее солнце, сменившееся глубокой, откровенной ночью в крошечной комнате общежития, окончательно сожгло мосты между моим прошлым и будущим. Я засыпала под мерное сопение Кэтти с четким ощущением: что бы ни приготовил для меня этот новый город, я больше не одна.

Вспышка

Понедельник ворвался в нашу жизнь оглушительным звонком будильника в шесть утра. Кэтти застонала так трагично, словно её вели на эшафот, и наотрез отказалась вылезать из своего одеяльного кокона. Мне пришлось проявить жесткость характера и буквально стянуть с нее теплое укрытие. Через сорок минут, пережив утреннюю битву за зеркало в умывальнике и на ходу допивая обжигающий растворимый кофе, мы уже бежали по утренней прохладе кампуса в сторону главного корпуса. Город окончательно проснулся: улицы бурлили, а воздух вокруг университета был пропитан ароматом выпечки из ближайших пекарен, свежего парфюма и той самой неповторимой студенческой суеты, которую невозможно спутать ни с чем.

Первая лекция по введению в медиатеорию проходила в огромной поточной аудитории, где места приходилось занимать с боем. Нашим лектором оказался профессор Фогель — пожилой мужчина с безупречной седой бородкой, в твидовом пиджаке с заплатками на локтях и невероятно пронизательным взглядом. Он не читал по бумажке. Он ходил между рядами, размахивал руками и говорил о силе информации так, будто держал в ладонях судьбу человечества. Мы с Кэтти строчили конспекты как сумасшедшие, едва успевая за его мыслью. Когда прозвенел звонок, аудитория еще несколько

секунд сидела в полной тишине, прежде чем взорваться аплодисментами.

— Ну как тебе? — спросила я Кэтти, когда мы наконец выбрались в коридор, пытаясь протиснуться сквозь толпу студентов. — По-моему, Фогель просто гений. Я даже дышать забывала.

— Гений-то гений, но если он будет требовать списки литературы в таком объеме каждую неделю, я превращусь в зомби раньше, чем наступит Хэллоуин, — Кэтти картинно приложила ладонь ко лбу, но её глаза азартно блестели. — Зато на визуальных коммуникациях у нас молодая преподавательница, мисс Дарси. Она выглядит так, будто сошла с обложки дизайнерского журнала! Сказала, что вместо скучных рефератов мы будем сдавать концептуальные фоторепортажи. Это же чистый кайф! А у тебя что там с твоей критикой?

— Первое занятие уже завтра, — я улыбнулась, прижимая к груди новенький блокнот. — Профессор прислал на почту задание: выбрать любой современный фильм или книгу и написать первую пробу рецензии на английском. Без шаблонов, чистое выражение собственного мнения. Страшно до безумия, если честно. Боюсь сесть в лужу со своим языком.

— Да брось ты, прорвешься! Твои тексты даже на русском звучат так, что плакать хочется от красоты. Переведешь — и все попадают, — Кэтти ободряюще пихнула меня локтем в бок.

После обеда мы разошлись по своим дополнительным мо-

дулям. Мой воркшоп по литературной критике проходил в небольшом, уединенном классе на самом верхнем этаже, где пахло мелом и старой бумагой. Нас было всего человек пятнадцать. Профессор попросил каждого коротко рассказать о своих читательских предпочтениях. Я говорила робко, но увлеченно, делясь своей любовью к глубоким психологическим драмам.

Именно в этот момент мой взгляд случайно упал на парня, сидевшего у окна через два ряда от меня. Высокий, подтянутый блондин с аккуратной стрижкой и поразительно яркими, почти прозрачными голубыми глазами. Он слушал меня очень внимательно, слегка наклонив голову набок, и на его губах играла мягкая, едва заметная полуулыбка. Когда наши глаза встретились, он вежливо кивнул. Я вежливо улыбнулась в ответ и тут же отвернулась. Он был объективно красив — правильные черты лица, опрятная светлая рубашка, образ образцового, правильного мальчика из хорошей семьи. Совершенно не мой типаж. Меня никогда не привлекали такие идеальные, «причесанные» парни, в них мне всегда чудилась какая-то скука и предсказуемость. Я быстро выбросила его из головы, полностью сосредоточившись на словах преподавателя и конспектировании структуры будущей рецензии. Как же сильно я ошибалась, думая, что этот человек пройдет мимо моей жизни незаметной тенью.

Пока я до самого вечера сидела в тишине университетской библиотеки, окруженная словарями и пытаюсь выстро-

ить идеальные английские фразы для своего первого текста, у Кэтти день повернул в совершенно иное, штормовое русло. Сразу после занятий она, как и планировала, поехала на автобусе на самую окраину города, где располагался муниципальный приют для животных «Надежда».

Приют встретил её оглушительным лаем сотен собак, запахом мокрой шерсти, дешевого корма и бетонной серостью вольеров. Кэтти, наплевав на свои белые кеды, тут же переоделась в выданный волонтерский фартук и взялась за работу: нужно было разгрузить тяжелые мешки с сухим кормом, приехавшие с утренней доставкой. Таская очередной двадцатикилограммовый пакет, она не удержала равновесие на скользком от недавнего дождя полу и едва не полетела кубарем прямо в грязь.

Но чьи-то сильные руки перехватили мешок в сантиметре от земли, а её саму жестко, но уверенно удержали за локоть.

— Осторожнее, куколка. Здесь тебе не подиум, кости переломать — раз плюнуть, — раздался над её ухом низкий, бархатистый голос с явной издевкой.

Кэтти резко вскинула голову, готовая выдать самую язвительную тираду в своей жизни, но слова застряли у нее в горле. Перед ней стоял тот самый брюнет в кожаной куртке со стойки регистрации, о котором мы шептались в комнате. Его темные волосы были растрепаны, на скуле виднелся свежий мазок сажи, а черные глаза смотрели на нее с явным превосходством и вызовом. Он легко, одной рукой, закинул

злосчастный мешок себе на плечо.

— Ты?! — Кэтти возмущенно округлила глаза, шумно выдыхая и пытаясь вернуть себе самообладание. — Ты что здесь забываешь? Пришел строить из себя загадочного гения перед собаками?

Брюнет лишь дерзко ухмыльнулся, окинув её взглядом с ног до головы, задержавшись на испачканных брендовых кедах.

— Я здесь волонтеру уже два года, — спокойно ответил он, разворачиваясь в сторону склада. — А вот что здесь забыла столичная штучка в вещах стоимостью с годовой бюджет этого приюта — большой вопрос. Смотри не испорти маникюр, журналистка. Работа только началась.

Он ушел, оставив Кэтти стоять посреди двора с пылающими от ярости щеками и сжатыми кулаками. В этот момент между ними пробежала такая искра, от которой воздух во круг, казалось, затрещал.

Кэтти ворвалась в нашу комнату ближе к девяти вечера, и грохот захлопнувшейся двери заставил меня подпрыгнуть на кровати. Моя идеальная, всегда безупречно причесанная блондинка сейчас выглядела так, словно только что пережила нападение диких кошек: один шнурок на кедах разорван, на колене красовалось серое пятно от грязи, а светлые волосы стояли дыбом. Но самым страшным были её глаза — в них бушевало настоящее грозное пламя.

— Нет, ты представляешь, какая скотина?! — вместо при-

ветствия закричала она, швыряя свой рюкзак в угол комнаты так, что он едва не сбил настольную лампу. — Мерзавец! Напыщенный, самовлюбленный индюк!

— Господи, Кэтти, что случилось? — я торопливо отложила в сторону свои распечатки с рецензией. — На тебя напали? Кто это был?

— Напали?! Хуже! Меня оскорбили в моих лучших чувствах! — Кэтти принялась мерить комнату шагами, яростно размахивая руками. — Помнишь того брюнета в кожанке? Которого я вчера вывела в ранг главных бабников факультета? Так вот, его зовут Марк. И он, чтоб ему пусто было, работает в моем приюте! ДВА. ГОДА. Он таскает там мешки, моет вольеры и строит из себя мать Терезу местного разлива!

Я едва сдержала улыбку, наблюдая за этой бурей эмоций. — И что он сделал?

— Он назвал меня «куколкой» и «столичной штучкой»! — Кэтти остановилась посреди комнаты, тяжело дыша и смешно раздувая ноздри. — Он посмотрел на мои кеды так, будто я пришла туда не собакам помогать, а на панель! Сказал, чтобы я берегла маникюр и не путалась под ногами у настоящих работников. Ирис, я его ненавижу! Я клянусь, я сотру эту ухмылочку с его породистой физиономии, даже если мне придется перетаскать все мешки с кормом в этом городе!

— Ну, по крайней мере, мотив вернуться в приют в следующие выходные у тебя теперь железобетонный, — тихо рас-

смеялась я, вставая с кровати, чтобы налить подруге успокаивающего чая. — Кажется, кто-то нашел себе достойного соперника.

— Это не соперник, это стихийное бедствие, — буркнула Кэтти, наконец-то усаживаясь на край своей постели и принимаясь стягивать несчастные кеды. — Ладно, с моим персональным адом всё понятно. Рассказывай, как твоя рецензия? Твой день явно прошел спокойнее.

— Спокойнее — да, но без странных встреч тоже не обошлось, — я протянула ей кружку с ароматным чаем и присела рядом. — Помнишь, я говорила тебе про воркшоп по критике? Я сидела в библиотеке почти до закрытия, переводила текст, выверяла каждую строчку. Голова под конец уже вообще не соображала. И вот, когда я наконец собрала вещи и пошла к выходу, на лестнице меня догнал тот самый голубоглазый блондин.

Кэтти моментально переменилась в лице, её волонтерские обиды тут же отступили перед главным девичьим интересом. Она подалась вперед, едва не расплескав чай:— Так-так-так! Тот самый идеальный мальчик? И что он?

— Его зовут Кристиан, — ответила я, вспоминая мягкий, бархатистый голос парня. — Он догнал меня на крыльце и придержал дверь. А потом сказал, что ему очень понравилось, как я говорила на занятии про психологические драмы. Оказывается, он тоже выбрал этот модуль. Мы прошли вместе буквально до автобусной остановки. Он очень вежли-

вый, Кэтти. Помог мне донести тяжелую папку со словарями, спросил, откуда я приехала, и даже пошутил, что у меня «очень литературное имя».

— Оу, как романтично! — Кэтти заговорщически пихнула меня плечом. — Идеальный джентльмен. Ну и как он тебе вблизи? Искра, буря, безумие?

— Вообще ничего, — честно призналась я, пожав плечами. — Ну то есть, он правда очень красивый. Знаешь, такой правильный, аккуратный, от него пахнет дорогим парфюмом и мятной жвачкой. С ним легко разговаривать. Но внутри внутри у меня абсолютно ничего не екнуло. Знаешь, как буд-то общаешься с хорошим, примерным одноклассником. Он слишком правильный для меня, Кэтти. Мне с ним даже как-то скучно стало под конец дороги. Я уверена, что мы просто будем хорошими приятелями по учебе, не больше.

Кэтти хитро прищурилась, делая глоток чая и глядя на меня поверх кружки со своей фирменной проницательностью:— Ну-ну, Ириска. Жизнь — штука ироничная. Иногда именно те, от кого мы меньше всего ждем подвоха, переворачивают наш мир с ног на голову. Посмотрим, что ты запоешь, когда он сядет с тобой за одну парту на следующей лекции.

Следующее утро началось куда более организованно, но градус моего внутреннего напряжения зашкаливал. Сегодня был тот самый день, когда мне предстояло сдать свою первую рецензию на английском языке суровому профессору Хар-

рису. Весь первый поток лекций я провела словно в тумане, то и дело перечитывая свой текст в блокноте и выискивая там несуществующие ошибки. Кэтти, заметив мою бледность, всю дорогу до аудитории критического анализа пыталась меня развлечь, пересказывая дурацкие мемы, но её голоса я почти не слышала.

Когда мы вошли в небольшую лекционную аудиторию на верхнем этаже, свободных мест почти не осталось. Кэтти тут же потянула меня к третьему ряду, но я заупрямилась, решив сесть подальше, чтобы не мозолить глаза преподавателю. В итоге мы заняли предпоследнюю парту у самого окна. Я только успела разложить на столе ручку и листы со своим текстом, как стул слева от меня с тихим скрипом отодвинулся.

Я повернула голову и замерла. Это был Кристиан. Сегодня на нем был безупречно отглаженный темно-синий джемпер поверх белой рубашки, а отросшие светлые волосы были аккуратно уложены. Он выглядел так, словно только что сошел со страниц буклета престижного частного колледжа. Увидев меня, его поразительно голубые глаза радостно блеснули, и он поспешил занять пустующее место.

— Привет, Ирис! — Кристиан улыбнулся своей идеальной, голливудской улыбкой и, явно пытаясь казаться непринужденным, решил изящно опустить на стол свою тяжелую кожаную папку.

Но то ли он не рассчитал траекторию, то ли его рука дрог-

нула от волнения, но папка с размаху проехала по столу, зацепила мой открытый пластиковый стаканчик с недопитым кофе и с глухим стуком улетела на пол. Темная ароматная жидкость стремительной лужей хлынула прямиком на мои девственно чистые, аккуратно распечатанные листы с первой в жизни рецензией.

В аудитории на секунду повисла тишина. Кэтти, сидевшая справа от меня, шумно втянула воздух сквозь зубы и зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос. Кристиан в мгновение ока стал пунцовым — от кончиков ушей до воротничка своей идеальной рубашки. Его уверенность испарилась, оставив лишь панику.

— О господи! Ирис, прости меня, пожалуйста! Я я просто хотел я не хотел! — он подскочил со стула, заметался на месте и судорожно полез в карманы джинсов в поисках чего-то, чем можно было бы вытереть этот кошмар. — Вот, держи! Точнее, давай я сам!

С этими словами он спас из кармана пачку сухих бумажных платков и, вместо того чтобы аккуратно промокнуть лужу, со всей силы прижал их к бумаге и начал неистово тереть. Разумеется, хрупкие листы, пропитавшись горячим кофе, моментально превратились в грязные, расползающиеся хлопья, а буквы, отпечатанные на принтере, поплыли серой жижей. Мой двухдневный труд, над которым я плакала в библиотеке, был уничтожен за три секунды.

— Кристиан, стой, не три! Ты делаешь только хуже! — в

ужасе прошептала я, пытаясь перехватить его руку, но было уже поздно. Мой текст окончательно превратился в кофейное месиво.

— Я такой идиот, — Кристиан замер, держа в руках мокрый, разваливающийся кусок бумаги, и посмотрел на меня с таким искренним, бездонным отчаянием в своих голубых глазах, что злость, которая только что закипела во мне, как-то сама собой улетучилась. Он выглядел как породистый щенок, который случайно перевернул любимую мамину вазу и теперь ждал неминуемой казни. — Я просто очень хотел сесть с тобой и спросить ну, спросить, любишь ли ты эспрессо. То есть, нет, я хотел сделать комплимент твоей вчерашней речи! Ирис, я всё перепишу. Хочешь, я пойду к Харрису и скажу, что это моя вина? Я сам переведу твой текст заново, у меня отличный язык, честно!

Наблюдая за этой абсолютно нелепой, неуклюжей попыткой загладить вину, я не выдержала. Сначала я тихо прыснула в кулак, а через секунду мы с Кэтти уже вовсю хохотали на всю аудиторию, привлекая внимание обращающихся однокурсников. Кристиан, сначала растерянно моргая, вдруг тоже облегченно и мягко улыбнулся, пряча глаза от смущения.

— Ладно, Отелло кофейного разлива, садись уже, — сквозь смех сказала я, собирая остатки испорченной бумаги в мусорный пакет. — Текст у меня продублирован на флешке, так что казнь отменяется. Но загладить вину тебе все-та-

ки придется. С тебя нормальный кофе после лекции. Идет?

— Идет! — Кристиан моментально просиял, и на его щеках даже появились очаровательные ямочки. — Клянусь, я принесу его тебе в бронированном стакане.

В этот момент в аудиторию вошел профессор Харрис, и мы поспешно замолчали. Но садясь на свое место и открывая чистый блокнот, я поймала себя на мысли, что этот идеальный, «причесанный» мальчик Кристиан оказался куда более живым, забавным и настоящим, чем мне показалось на первый взгляд.

Вечер того же дня в нашей комнате общежития начался с того, что Кэтти, едва переступив порог после своих пар по дизайну, заговорщически заперла дверь на замок и с победным кличем прыгнула на мою кровать. Я в этот момент пыталась сосредоточиться на чтении новой статьи по медиаанализу, но поняла, что спокойной жизни мне сегодня не видеть.

— Так-так-так, Ириска! — Кэтти бесцеремонно отобрала у меня распечатки, заставив отвлечься. — Настало время больших девичьих разборок. Выкладывай всё до мельчайших подробностей! Каков наш кофейный принц в неофициальной обстановке? Бронированный стаканчик кофе был доставлен без происшествий?

— Кэтти, прекрати, — я густо покраснела, пытаюсь забрать свои бумаги обратно, но подруга упрямо спрятала их за спину. — Ничего такого не было. Мы просто зашли в ко-

фейню за углом главного корпуса. Кристиан действительно купил мне самый большой капучино с карамельным сиропом и раз десять извинился за утренний потоп. Он оказался очень милым. Рассказал, что безумно переживает из-за первой недели и что его родители — известные юристы — очень хотели, чтобы он пошел по их стопам. А он с детства мечтал писать о кино и культуре.

— О-о-о, ранимая творческая душа под маской идеально-го мальчика! — Кэтти артистично прижала ладони к щекам и закатала глаза. — Ну всё, Ирис, ты пропала. Сначала они заливают твои бесценные тексты кофе, потом изливают душу про непонимание родителей, а на следующей неделе он уже будет стоять под нашими окнами с гитарой и петь серенады на английском!

— Да ну тебя! — я наконец-то отобрала свои листы и запустила в нее маленькой декоративной подушкой. — Я же сказала: он просто хороший парень. Мы проболтали сорок минут исключительно об учебе, любимых режиссерах и о том, как суров профессор Харрис, который, кстати, поставил мне «отлично» за рецензию, даже несмотря на то, что я читала её с экрана телефона. Между нами нет никакой искры. Мы просто сошлись на почве общих интересов.

Кэтти ловко поймала подушку, обняла её и лукаво прищурилась, глядя на меня со своей фирменной пронизательностью бывалой сердцеедки.

— Ириска, запомни мои слова: именно из таких «просто

хороших парней», которые на первый взгляд кажутся слишком правильными и скучными, потом и получаются самые верные мужья, из-за которых девчонки теряют голову, — она подмигнула мне, вставая с кровати. — Ладно, живи пока. Пойду поставлю чайник. Но если он завтра снова придет на лекцию в идеальной рубашке и сядет с тобой рядом — я официально объявлю вас парой нашего курса!

Я лишь покачала головой, улыбаясь её неумемной энергии. За окном снова зашумел вечерний дождь, наполняя комнату тем самым уютным покоем, к которому я только начинала привыкать. Я посмотрела на свой телефон, где на экране высветилось короткое сообщение с незнакомого номера: *«Ирис, спасибо за отличный разговор сегодня. Надеюсь, твой блокнот уже высох. До завтра в университете! Кристиан»*. Сердце пропустило короткий, едва заметный удар. Возможно, Кэтти в чем-то была права, и этот город действительно готовил для меня сюжет, который я никак не планировала писать.

Субботнее утро началось для меня под девизом «Кэтти против Марка: раунд второй». Моя неугомонная подруга, сменив дизайнерский тренч на старые джинсы и самую простую толстовку, была полна решимости доказать всему миру, а в особенности одному наглому брюнету, что она приехала в приют работать, а не позировать. Естественно, оставить меня мирно читать книги в комнате она не могла — мне была отведена стратегическая роль группы поддержки и

немого свидетеля её грядущего триумфа.

Муниципальный приют «Надежда» в субботу выглядел еще более суетливым. Волонтеры бегали с ведрами, лаяли десятки собак, а воздух был пропитан запахом сырости и дешевого сухого корма. Стоило нам переступить порог заднего двора, как Кэтти тут же решительно направилась к администратору за порцией самой тяжелой работы. Нам выдали резиновые сапоги, щетки и отправили чистить дальний ряд вольеров, где содержались самые крупные псы.

— Ну что, куколки, не боитесь испортить маникюр? — раздался за нашими спинами тот самый знакомый, бархатистый голос с нескрываемой издевкой.

Мы одновременно обернулись. Марк стоял, прислонившись к деревянному столбу навеса, в грязных рабочих перчатках и расстегнутой куртке, из-под которой виднелась простая черная футболка. На его губах играла все та же высокомерная, но чертовски обаятельная ухмылка. Он лениво подбрасывал в руке связку ключей.

— Послушай ты, гений журналистики, — Кэтти сделала шаг вперед, упрямо вскинув подбородок и глядя на него снизу вверх. — Если ты пришел сюда работать языком, то ошибся адресом. Дай нам пройти, у нас куча дел, в отличие от некоторых бездельников, которые только и умеют, что стоять и красиво позировать.

Марк тихо хмыкнул, его темные глаза азартно блеснули. Он явно получал искреннее удовольствие от того, как легко

эта блондинка вспыхивала от каждого его слова.

— Ну-ну, — он сделал шаг назад, освобождая проход, и картинно поклонился. — Посмотрим на вас через пару часов, активистки. Если что — ведра с чистой водой на складе. Постарайтесь не плакать, когда поймете, что собаки не умеют читать ваши великие статьи.

— Мы и без тебя разберемся! — бросила Кэтти, хватая щетку и буквально увлекая меня за собой в сторону вольеров.

Следующие три часа превратились в настоящее испытание на прочность. Мы отмывали бетонные полы, таскали тяжелые ведра, отбивались от излишне ласковых прыжков огромных овчарок и искренне смеялись, когда один из псов умудрился полностью облизать Кэтти лицо, оставив на её щеке след от мокрого носа. Марк то и дело мелькал на периферии: он таскал неподъемные мешки, чинил сломанные заборы и, как мне показалось, пару раз внимательно, уже без прежней издевки, наблюдал за тем, как Кэтти, утирая пот со лба испачканной рукой, упорно продолжала драить вольер. Между ними все еще искрило, но это была уже не просто злость — это было начало какого-то странного, негласного противостояния, в котором никто не хотел уступать.

Когда мы, абсолютно обессиленные, мокрые и пахнущие собачьей шерстью, наконец вышли за ворота приюта, на город начали опускаться мягкие вечерние сумерки. Автобус вез нас обратно в кампус мимо зажигающихся уличных фо-

нарей и неоновых вывесок кофейных лавок. Кэтти сидела, прислонившись головой к стеклу, и на её губах, вопреки усталости, блуждала победная улыбка.

Я смотрела на мелькающие огни незнакомого города и чувствовала, как внутри меня медленно, но верно закручиваются шестеренки огромного механизма судьбы. Эта неделя изменила всё. Я больше не была той испуганной девочкой с вокзала. Рядом со мной была сумасшедшая и верная Кэтти, впереди ждали сложные, манящие тексты на журфаке, а в телефоне грело короткое сообщение от Кристиана, который обещал занять для меня место на завтрашней лекции. Мой мир наполнялся новыми лицами, характерами и смыслами. Наша с Кэтти взрослая жизнь только начиналась, и эта первая, штормовая неделя была лишь яркой вспышкой перед настоящим, глубоким и сложным романом, который нам только предстояло написать.

Танец на тонком льду

Пятничный вечер в студенческом общежитии номер три напоминал растревоженный улей. Стены старого здания буквально содрогались от басов, доносившихся из конца коридора, где парни из параллельного потока выкатили в холл огромные колонки. Запах недорогой пищи, яблочного сидра и сотен разных парфюмов смешался в один пьянящий коктейль свободы. Кэтти подошла к подготовке к нашей первой настоящей университетской вечеринке с масштабом голливудского стилиста. Наша комната была завалена вещами: на кроватях ворохом лежали платья, на столе теснились палетки теней, а в воздухе стояло плотное облако лака для волос.

— Ирис, ну ради бога, сними ты этот свой вечный оверсайз-свитер! — Кэтти, уже блиставшая в облегающем топе на бретельках и стильных кожаных брюках, решительно отобрала у меня из рук зеркало. — Сегодня мы идем покорять этот факультет, а не прятаться на задних рядах библиотеки. Надень вот это.

Она легким движением бросила мне на колени шелковое изумрудное платье-комбинацию, которое идеально подчеркивало цвет моих серо-зеленых глаз и выгодно выделяло изгибы фигуры, обычно скрытые под объемной одеждой. Я сомневалась, но под строгим взглядом подруги все же сдалась.

Когда я распустила свои густые каштановые волосы, позволив им крупными волнами упасть на плечи, и нанесла каплю темной помады, из зеркала на меня посмотрела совсем другая Ирис — повзрослевшая, загадочная и чертовски привлекательная.

В холле было не протолкнуться. Шум, смех, звяканье стаканчиков и вспышки телефонов — все праздновали окончание первой официальной учебной недели. Мы едва успели войти, как сквозь толпу к нам тут же целенаправленно двинулся Кристиан. В полумраке вечеринки, под сполохами дешевой светомузыки, его светлые волосы казались почти серебряными, а голубые глаза горели искренним восторгом. На нем была простая, но идеально сидящая темно-серая футболка. Увидев меня, он на секунду даже замер, растеряв всю свою привычную вежливость.

— Вау Ирис, ты ты выглядишь просто невероятно, — Кристиан смущенно улыбнулся, протягивая мне стаканчик с пуншем, который он держал так аккуратно, словно все еще боялся повторения утреннего кофейного потопа. — Я надеялся, что вы придете. Я тут занял нам отличный диван у окна, там не так шумно. Пойдем?

Я посмотрела в его мягкие, влюбленные глаза, чувствуя, как внутри разливается приятное, теплое спокойствие. С ним было безопасно. Я кивнула и уже сделала шаг вслед за ним, как вдруг Кэтти, шедшая рядом, резко замерла, и её рука мертвой хваткой вцепилась в мой локоть.

Я обернулась и сразу поняла причину её ступора. Возле импровизированного барного стола, небрежно крутя в руках пластиковый стакан, стоял Марк. На нем была черная рубашка с подвернутыми до локтей рукавами, обнажавшими сильные предплечья. Он о чем-то лениво переговаривался с ребятами из футбольной команды, но стоило нам подойти ближе, как его хищный, темный взгляд переместился на Кэтти. На его губах моментально расцвела та самая знакомая, вызывающая ухмылка. Он окинул её безупречный наряд медленным, оценивающим взглядом, в котором прежнее высокомерие смешалось с явным, жгучим интересом.

— Надо же, какие люди, — негромко, но так, что его голос перекрыл шум музыки, произнес Марк, делая шаг в нашу сторону. — Столичный глянец все-таки спустился к простым смертным? Я думал, ты после субботних вольеров до сих пор залечиваешь шрамы на маникюре, куколка.

Кэтти вспыхнула за долю секунды. В её голубых глазах заплясали опасные искры. Она сделала шаг вперед, сокращая расстояние между ними до минимума, так что её идеальное каре едва не коснулось его плеча.

— Ты бы помалкивал, Марк, — процедила она, дерзко глядя ему прямо в глаза. — Мой маникюр в полном порядке, в отличие от твоих манер. И если ты пришел сюда только для того, чтобы портить людям воздух своими дурацкими шутками, то лучше вернись к своим собакам — они хотя бы не умеют язвить.

Марк тихо, бархатисто рассмеялся, ничуть не задетый её выпадом. Наоборот, её злость только подстегивала его азарт.

— А ты зубастая, журналистка. Мне это нравится, — прошептал он, наклонившись к ней чуть ближе, отчего Кэтти на секунду затаила дыхание.

Мы с Кристианом переглянулись. Вокруг нас гремела музыка, люди танцевали и смеялись, но в нашем углу холла пространство словно раскололось надвое. Были Кэтти и Марк — два бушующих пламени, между которыми трещало опасное, штормовое напряжение. И были мы с Кристианом — тихая, правильная гавань, где всё было предсказуемо, вежливо и спокойно. Стоя в своем изумрудном платье рядом с идеальным блондином, я смотрела на эту бурю чувств моих друзей и еще не знала, что очень скоро этот тонкий лед под моими собственными ногами тоже начнет трескаться, увлекая меня в водоворот событий, из которого мне уже не суждено будет выйти прежней.

Музыка в холле внезапно переменилась. Глухие, бьющие по барабанным перепонкам басы уступили место мягкой, тягучей и немного меланхоличной мелодии. Яркая неоновая светомузыка сменилась приглушенным полумраком, и пространство вокруг нас словно замедлило свой сумасшедший бег. Пары начали несмело стягиваться к центру зала.

Кристиан, который всё это время молча стоял рядом, бережно держа свой стаканчик, вдруг заметно занервничал. Он переступил с ноги на ногу, бросил быстрый взгляд на тан-

цующих, а затем повернулся ко мне. Его поразительно голубые глаза в полумраке казались почти темными, глубокими и полными какого-то детского, трогательного волнения.

— Ирис — его голос прозвучал немного тише обычного. Он аккуратно поставил свой стакан на подоконник и робко протянул мне руку. — Потанцуешь со мной? Обещаю, на твои туфли я не наступлю.

Я улыбнулась этой его вечной, обезоруживающей самоиронии и без колебаний вложила свою ладонь в его руку. Его пальцы оказались теплыми, сухими и очень надежными. Кристиан мягко увлек меня в центр холла. Его вторая рука осторожно, словно он боялся причинить мне малейший дискомфорт, легла на мою талию, едва ощутимо касаясь шелка изумрудного платья.

Мы начали медленно двигаться в такте музыки. Расстояние между нами было идеальным — ровно таким, какое диктовали приличия, но в то же время я отчетливо чувствовала ментоловый аромат его жвачки и дорогой, едва уловимый парфюм.

— Знаешь, Ирис, — тихо заговорил Кристиан, глядя мне прямо в глаза, отчего у меня по спине пробежал легкий холодок. — Я всю эту неделю только и думал о том, как мне повезло. В чужом городе, на новом месте я ужасно боялся встретить здесь людей, с которыми придется притворяться кем-то другим. А с тобой с тобой мне почему-то хочется быть настоящим. Даже если для этого приходится проливать

на твои тексты кофе и выглядеть полным идиотом.

Его признание было настолько искренним и чистым, что внутри у меня поднялась теплая волна благодарности. Он не пытался казаться крутым, не строил из себя мачо, как Марк или другие парни на потоке.

— Ты не выглядишь идиотом, Кристиан, — мягко ответила я, слегка сжав его плечо. — Наоборот. Твоя неуклюжесть — это самое честное, что я видела на этом факультете за всю неделю.

Он облегченно выдохнул, и его улыбка стала шире, а рука на моей талии легла чуть увереннее, притягивая меня на пару сантиметров ближе. Это был красивый, идеальный момент, похожий на сцену из хорошего голливудского фильма. Мой разум шептал, что Кристиан — это лучшее, что могло со мной случиться в этом городе. Но сердце сердце упрямо хранило ровный, спокойный ритм, отказываясь пускаться вскачь.

Когда музыка стихла, мы вернулись к нашему углу у окна, где атмосфера, в отличие от нашего танца, уже успела накалиться до предела. Вокруг низкого журнального столика собралась приличная компания первокурсников во главе с Марком и Кэтти. Они уже всю разливали по стаканчикам сидр и шумно спорили.

— О, а вот и наши скромники вернулись из романтического подполья! — громко провозгласил Марк, заметив нас с Кристианом. Он сидел на подлокотнике старого кресла, ва-

лжно закинув ногу на ногу. — Садитесь в круг, мы тут как раз решили устроить проверку на вшивость. Играем в «Правду или Действие», классические правила. И у нас тут с твоей подругой, Кристиан, наметился очень интересный баттл.

Кэтти, сидевшая на диване напротив Марка со скрещенными руками, смерила его уничтожающим взглядом. Её щеки горели румянцем — то ли от выпитого сидра, то ли от злости.

— Я просто сказала, что этот самовлюбленный павлин струсит выбрать «Правду», если вопрос задам я, — язвительно бросила она, упрямо вскидывая подбородок.

— Я? Струшу? — Марк хищно прищурился, и в его глазах загорелся опасный азарт. Он наклонился вперед, опираясь локтями на колени и глядя на Кэтти в упор. — Ну хорошо, принцесса. Давай начнем прямо с тебя. Правда или действие, Кэтти? Выбирай с умом, пути назад не будет.

Вокруг стола мгновенно воцарилась интригующая тишина. Все замерли, предвкушая зрелище. Кэтти на секунду замешкалась, её пальцы крепче сжали пластиковый стаканчик, но отступать перед всем курсом было выше её гордости.

— Правда, — твердо ответила она, не отводя взгляда от его темных глаз.

Марк медленно, издевательски улыбнулся, словно только этого и ждал.

— Отлично, — протянул он, понизив голос так, что его

слова прозвучали почти как выстрел. — Тогда скажи нам всем честно, куколка Из всех парней на этом факультете, включая твоего идеального соседа Кристиана, чей взгляд заставляет твое сердце биться чаще? И только попробуй со-
вратить — я слишком хорошо умею читать людей по глазам.

Кэтти замерла. На секунду мне показалось, что она сейчас либо выльет свой сидр ему в лицо, либо встанет и уйдет. В холле повисла такая тишина, что было слышно, как на улице шумит ветер в кронах кленов. Все взгляды были прикованы к ней. Марк продолжал улыбаться — победно, хищно, уверенный, что загнал столичную штучку в угол.

Но Кэтти не была бы Кэтти, если бы так легко сдалась. Она сделала медленный глоток из своего стакана, не отрывая взгляда от Марка, а затем её губы тронула холодная, обжигающая улыбка. Она подалась вперед, повторив его позу, так что между их лицами осталось всего несколько сантиметров.

— Хочешь знать правду, Марк? — её голос прозвучал удивительно спокойно и четко. — Мое сердце бьется чаще только от одной мысли: как сильно мне хочется запереть тебя в самом дальнем вольере приюта и потерять ключ. А из парней на этом факультете — она на секунду перевела взгляд на Кристиана, а затем снова посмотрела на Марка в упор. — меня не заводит абсолютно никто. Обертки красивые, а внутри — сплошное самолюбие и детские комплексы. Так что мимо, эксперт по глазам. Твой радар сломался.

Вокруг стола кто-то из парней присвистнул, раздались

одобрительные смешки. Улыбка Марка на мгновение дрогнула, а в глубине его темных глаз промелькнуло что-то похожее на искреннее удивление, смешанное с яростным уважением. Он явно не ожидал такого отпора.

— Засчитано, — процедил Марк, откидываясь назад на подлокотник, но его взгляд продолжал буквально прожигать Кэтти насквозь.

— Отлично, теперь мой ход, — Кэтти хитро прищурилась и резко повернула пустую пластиковую бутылку на столе. Горлышко, сделав несколько стремительных кругов, со скрипом остановилось, указывая прямо на меня.

— Ну что, Ириска, — Кэтти заговорщически подмигнула мне, моментально переключаясь со своей личной войны на роль главной свахи курса. — Твоя очередь. Правда или действие?

Я замялась, чувствуя, как Кристиан рядом со мной затаил дыхание. Выбирать «Правду» при всех мне было откровенно страшно — я слишком сильно оберегала свой внутренний мир, чтобы выставлять его на всеобщее обозрение перед малознакомыми однокурсниками.

— Действие, — выдохнула я, надеясь, что подруга пощадит меня и не заставит делать ничего экстремального.

— Действие? О-о-о, это я удачно зашла, — Кэтти потеряла ладони, и в её голубых глазах зажглись чертенята. Она посмотрела на Кристиана, затем на меня, и выдала самый коварный план за вечер: — Твое действие, Ирис: ты должна

до конца этой ночи носить куртку Кристиана, а на следующей лекции профессора Фогеля сесть за его парту и всю пару конспектировать за двоих. А Кристиан взамен Кристиан взамен всю неделю будет носить твою тяжелую сумку с книгами до библиотеки. По-моему, идеальный бартер!

Народ за столом дружно загоготал, а Кристиан моментально просиял. Он тут же, не дожидаясь моего ответа, поспешно стянул со спинки кресла свою стильную брендовую куртку и бережно накинул её мне на плечи. Она оказалась огромной, пахла его ментоловым парфюмом, чистым хлопком и теплом его тела.

Оказавшись в этом импровизированном коконе под улюлюканье однокурсников, я посмотрела на улыбающегося Кристиана, который выглядел сейчас самым счастливым человеком на планете. Тонкий лед под моими ногами, о котором я думала во время танца, затрещал чуть громче. Я улыбнулась в ответ, принимая правила этой игры, но где-то глубоко внутри меня всё еще сидел маленький, тихий голосок, который упрямо твердил, что настоящая, ломающая судьбу буря в моей жизни начнется совсем не с этого уютного студенческого флирта.

Когда мы наконец вернулись в нашу комнату, часы на стене показывали глубоко за полночь. Вечеринка в холле постепенно затихала, сменяясь далеким смехом и редкими шагами в коридоре. Я со вздохом облегчения стянула с себя изумрудное шелковое платье, аккуратно повесила на спинку

стула огромную куртку Кристиана, которая до сих пор хранила его тепло, и залезла под одеяло. Тело приятно ломило от усталости.

Кэтти сидела на своей кровати, лениво стирая мицеллярной водой остатки своего безупречного макияжа. Без стрелок и помады она снова выглядела той самой незащищенной девчонкой, которой так не хватало родительского внимания.

— Ну и вечер, — нарушила тишину Кэтти, бросив использованный ватный диск в урну. Она повернулась ко мне, поджав под себя ноги. — Ирис, скажи мне честно. Ты ведь видела, как Кристиан на тебя смотрел, когда ты надела его куртку? У него же на лице было написано: «Готов жениться прямо завтра».

— Кэтти, перестань, — я тихо рассмеялась, утыкаясь лицом в подушку. — Мы знакомы всего неделю. Он просто очень романтичный и хорошо воспитанный парень. А вот твой баттл с Марком — это было что-то с чем-то. Вы весь вечер искрили так, что я боялась, как бы у нас проводка в общаге не сгорела.

Кэтти на секунду замерла, и в полумраке комнаты я заметила, как её лицо на мгновение стало непривычно серьезным.

— Марк — невыносимый гад, Ирис, — тихо, без прежней язвы ответила она, глядя куда-то мимо меня, в темное окно. — Он будит во мне всё самое худшее. С ним я становлюсь злой, колючей и живой. Понимаешь? Дома меня все просто

игнорировали, откупаясь деньгами. А он смотрит так, будто видит меня насквозь. И это пугает до чертиков.

Я молча кивнула, прекрасно понимая, о чем она говорит. Мы обе приехали в этот город с огромными дырами в душе, только латали их по-разному.

— А Кристиан — Кэтти снова улыбнулась, возвращая себе привычный легкий тон. — Кристиан — твоя безопасная гавань, Ириска. С ним тебе не придется воевать. Он будет носить твои книжки, варить кофе и оберегать от всего мира. Поверь мне, для такой глубокой девочки, как ты, это идеальный сценарий.

— Возможно, ты права, — прошептала я, закрывая глаза.

Я засыпала под мерный шорох ночного дождя за стеклом. На плечах всё еще призрачно ощущался вес чужой куртки, а в мыслях крутилась фраза Кэтти про безопасную гавань. Мне отчаянно хотелось верить, что моя жизнь в этом незнакомом городе будет именно такой — тихой, предсказуемой и счастливой. Я засыпала, совершенно не подозревая, что судьба уже сделала свой ход, и эта безопасная гавань очень скоро превратится в золотую клетку, из которой мне придется вырываться с кровью и мясом, проходя через самые страшные потери в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.